

**Трактат В.В. Розанова «О понимании»:
в поисках «цельности»**

© 2022 г. О.А. Глебов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20.*

E-mail: matfandor@gmail.com

Поступила 21.01.2022

Проблема «цельности» сохраняет свою актуальность для философского знания. Релятивизм и плюрализм, связанный с развитием отдельных научных отраслей, порождает проблему множественности описаний мира. Следствием этого является невозможность понимания, условием которого выступает целостность. В современной философии эта проблема рассматривается в контексте двух подходов, основания которых противоречат друг другу, – рационального и экзистенциального. Для русской философии проблема цельности является ключевой, и ее решение осуществляется через экзистенциальный подход. Такой подход демонстрирует философский трактат «О понимании» В.В. Розанова. В то же время исследователи раннего творчества Розанова отмечают сочетание рационального и экзистенциального подхода в его трактате. По мнению автора статьи, концептуальная реконструкция учения Розанова может изменить и обогатить перспективу рассмотрения проблематики цельности. Данная статья посвящена определению философских новаций, которые В.В. Розанов в трактате «О понимании» вносит в изучение проблематики целостности в рамках русской философии. Автор ставит вопрос о том, каким образом Розанов обогащает проблематику цельности в русской традиции и каким образом ему удалось осуществить синтез рационального и экзистенциального подходов в контексте этой проблемы. Для достижения этой цели автором показывается, как проблема целостности раскрывается в учениях о «соборности» и «живом знании» славянофилов, концепции «всеединства» и истинном, «соборном» познании В.С. Соловьева, философии «соборного сознания» и истинного «сознания» С.Н. Трубецкого. Производится концептуальная реконструкция учения Розанова о понимании в аспекте проблематики цельности. Отстаивается тезис, что в экзистенциальный подход к проблеме целостности, свойственной русской философии, Розанов непротиворечиво встраивает рациональный момент, описывающий механизм появления представлений через оформление бытия идеями разума.

Ключевые слова: русская философия, персонализм, проблема понимания, философия В.В. Розанова, идеи разума, смысл, цельность, предпонимание, потенциальность.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-8-159-167

Цитирование: *Глебов О.А.* Трактат В.В. Розанова «О понимании»: в поисках «цельности» // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 159–167.

A Treatise by V.V. Rozanov's *On Understanding*: In Search of *Wholeness*

© 2022 Oleg A. Glebov

National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: matfandor@gmail.com

Received 21.01.2022

The problem of wholeness retains its relevance for philosophical knowledge. Relativism and pluralism, associated with the development of individual scientific branches, generates the problem of multiple descriptions of the world. The consequence of this is the impossibility of understanding, the condition of which is wholeness. In modern philosophy this problem is considered in the context of two approaches, the bases of which are contradictory – rational and existential. For Russian philosophy the problem of wholeness is the key one, and its solution is carried out through the existential approach. This approach is demonstrated by the philosophical treatise "On Understanding" by V.V. Rozanov. At the same time, researchers of Rozanov's early work note the combination of rational and existential approach in his treatise. In our opinion, a conceptual reconstruction of Rozanov's doctrine can change and enrich the perspective of considering the problem of wholeness. This article is devoted to identifying the philosophical innovations that V.V. Rozanov in his treatise "On Understanding" contributes to the study of the problems of wholeness within the framework of Russian philosophy. The author raises the question of how Rozanov enriches the problematic of wholeness in the Russian tradition, and how he managed to synthesize the rational and existential approach in the context of this problem. To achieve this goal the author shows how the problem of wholeness is revealed in the doctrines of "sobornost" and "living knowledge" of the Slavophiles, the concept of "all-in-ness" and the true "sobornoe" knowledge of V.S. Soloviev, the philosophy of "sobornoe soznanie" and the authentic "soznanie" of S.N. Trubetskoy. The author makes a conceptual reconstruction of Rozanov's doctrine of understanding in the aspect of the problems of wholeness. The thesis is defended that in the existential approach to the problem of wholeness, typical of Russian philosophy, Rozanov inconsistently integrates a rational moment, describing the mechanism of the appearance of ideas through the registration of being by the ideas of reason.

Keywords: Russian philosophy, personalism, problem of understanding, philosophy of V.V. Rozanov, ideas of reason, meaning, wholeness, preunderstanding, potentiality.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-8-159-167

Citation: Glebov, Oleg A. (2022) "A Treatise by V.V. Rozanov's *On Understanding*: In Search of *Wholeness*", *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2022), pp. 159–167.

Проблема цельности (целостности) является одной из ключевых в русской философии (см. дискуссию о переводе понятия «цельность»: [Pruzhinin, Shchedrina 2017^a, Sergeev 2017, Pruzhinin, Shchedrina 2017^b]). Действительно, русская культура часто определяется с помощью таких характеристик, как «непонятный строй жизни», «слабость формы», «отсутствие детерминированности и порядка», «раздробленность» [Хомяков 1994, 535; Бердяев 1990, 44; Флоренский 1990, 12]. Стихия русской жизни

представляется мыслителям беспорядочной и хаотичной, ориентированной не на разумное оформление, а направленной на постижение откровений жизненного опыта. Преодоление этого хаоса является основным мотивом философствования в России. Складывается впечатление, что с XIX в. и вплоть до середины XX в. русская мысль была озабочена созданием цельной, стройной картины мира, которая бы решала проблему культурной самоидентификации. А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой и многие другие внесли вклад в развитие этой тематики.

Философский трактат В.В. Розанова «О понимании» продолжает эту интеллектуальную традицию (см.: [Шапошников 2009; Фатеев 2012; Грякалов 2017, 77]), в нем представлен «опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Действительно, Розанову удалось увидеть проблему целостности в познавательном контексте, связать ее с проблемой понимания. Именно этот ракурс делает рассуждения Розанова притягательными для современных исследователей, которые полагают, что русский мыслитель во многом превосходит тематическую направленность философии XX в. [Грякалов 2016, 102; Семенюк 2014, 120; Бибихин 2006; Фролов 2013, 207; Серкова 2013, 59–60; Семенюк 2008, 54; Семенюк 2005, 67]. Учение, изложенное в его произведении, сегодня сравнивают с феноменологической и герменевтической концепциями, причем отмечают сходство как с трансцендентальной феноменологией, так и с фундаментальной онтологией. В связи с этим возникает вопрос: может быть, анализ основных положений трактата «О понимании» может пролить свет на проблему целостности или изменить перспективу ее рассмотрения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо очертить идейные рамки разрабатываемой в истории русской философии проблематики цельности.

Одними из первых осознали необходимость создания цельного мировоззрения славянофилы. В поисках самоидентичности они ориентировались не на западный рационализм, а обратились к восточной религиозной традиции. Славянофилы пытались методологически выразить непосредственное, имманентное постижение сущего, свойственное русской культуре, чтобы противопоставить себя западной цивилизации для утверждения и обоснования собственного уникального способа осмысления мира и постижения истины. Результатом их трудов стали такие концепции, как «соборность» и «живое знание», составившие концептуальную основу русского идеализма.

Проблема соотношения единого и многого в философии славянофилов является ключевой. Ее решение раскрывается через онтологическую концепцию «соборности». Единичное (индивидуальное) в учении А.С. Хомякова и И.В. Киреевского признается неполноценным и ущербным, так как сотворенный Богом мир охватывается «единством Божией благодати» [Хомяков 1995, 39]. Практика «духовного сосредоточения» в молитве мистическим образом открывает человеку состояние пребывания в истине, в которой бытие раскрывается во всей полноте [Семенюк 2008, 54]. Откровение, получаемое в сверх-логическом опыте созерцания, представляет бытие как «единое во многом» [Хомяков 1995, 124]. В гносеологическом смысле соборность имеет значение сонастроенности всех физических и духовных органов человека на непосредственное созерцание единства бытия, поддерживаемого Божьей благодатью через любовь [Киреевский 1984, 217]. Такой вид познания славянофилы называют «живым знанием», противопоставляя его «мертвой учености».

Несмотря на умообразный характер онто-гносеологии славянофилов, их учение открывает длительную традицию поисков цельного мировоззрения в русской философии. Разработки славянофилов наследуются, теоретизируются и углубляются В.С. Соловьевым. Его философствование также начинается с решения проблемы взаимоотношения единого и многого и нацелено на создание цельной картины мира. Сущее как физическим, так и духовным органам человека раскрывается в многообразии различных дисперсных феноменов. Несмотря на это, все многообразие сущего мы можем уложить в понятие – мир, реальность, бытие и т.д. Для того чтобы иметь возможность провести эту операцию, необходимо наличие сверх-реального основания, позволяющего охватить всё многообразие сущего. Это основание Соловьев называет связующим

«началом для жизни и сознания», а его наличие признается необходимым, так как оно выполняет фундаментальную функцию «основания для каждого из движений разума и каждого действия» [Соловьев 2018, 6–9]. Поскольку функция связующего начала распространяется на все бытие, постольку основание для этого начала, по Соловьеву, должно быть безусловным (сверх-реальным). Условное (имманентное) начало неспособно объять мир единством, следовательно, оно будет ограничивать бытие, что гносеологически приведет к релятивизму и плюрализму, а онтологически приведет к «безналичию» (нигилизму). Безусловное начало Соловьев находит в абсолютном Боге, так как только Бог по Соловьеву сверх-реален (имманентно-трансцендентен) [Там же, 24]. Единство сущего, под руководством безусловного Абсолюта, являющегося средоточием сущего, Соловьев называет «всеединством», а его созерцание – истиной.

Ограниченность разума не позволяет постичь истину рациональным способом, считает Соловьев. Ratio признает только условную реальность природных явлений, выражающуюся в фактах, тогда как основа реальности, согласно учению, сверх-реальна. Поэтому позитивистская рациональность, по Соловьеву, обречена на бесконечный анализ фактов [Там же, 23–24]. Взамен позитивистской рациональности Соловьев предлагает метод непосредственного и цельного познания реальности в созерцании. Согласно учению Соловьева, безусловное начало касается и внутренней, духовной природы человека. Духовные органы человека отражают содержание реальности, а не создают их, следовательно, безусловное начало как всеединая реальность открывается духовному взору человека как реальность одновременно нравственная (благая), умственная (истинная) и эстетическая (прекрасная) [Там же, 59–61]. Цельное познание всеединой реальности, по Соловьеву, возможно лишь в синтезе воли, разума и чувства. Такое познание открывает всецелую реальность «саму-по-себе». Цельное познание, открывающееся в непосредственном восприятии реальности, Соловьев называет «Откровением», а концепцию единства смысловой реальности – «соборностью». Достичь ее возможно принятием безусловного начала. А принять его возможно, испытав опыт реального противоречия, ведущего к разочарованию в индивидуализме и субъективизме [Там же, 24–26]. Теоретические разработки Соловьева фундаментальным образом повлияли на всю русскую философию. Одним из преемников его онто-гносеологии является С.Н. Трубецкой, который, ориентируясь на учение о всеединстве, развивает концепцию «соборного сознания» [Акулинин 1990, 18].

Проблема соотношения единого и многого также является первостепенной и для С.Н. Трубецкого. Он признает, что как сторонники «единичного» – эмпирики, так и сторонники универсального – идеалисты, имеют ряд истинных положений, но не смотря на это, каждый из подходов ограниченно воспринимает действительность. Подробный анализ физической и психической природы приводит Трубецкого к выводу – единое не может существовать без многого, так же как многое без единого. Без наличия коллективного (родового) невозможно существование ни единичного, ни многого [Трубецкой 1994, 494–495]. По Трубецкому, каждый человеческий акт предполагает органическую соборность человеческого сознания, в которой родовое единство соседствует с личными переживаниями и которые своей совокупностью примиряются сверхличным началом («коллективное сознание») [Там же, 497]. Достижению реального соборного сознания препятствуют антиномии, поэтому решение этой проблемы, по Трубецкому, не может быть чисто теоретическим. Развитие «сознания» Сергей Николаевич связывает с этической задачей – культивированием любви. Так как любовь, по Трубецкому, во-первых, свойственна всему живому, следовательно, наличествует в соборном сознании. Во-вторых, любовь действительно снимает антиномии, так как в ней любящий и любимый сливаются в единстве [Там же, 591–592].

Проблема поиска цельности является одной из основных для русской философии. В поисках культурной самоидентичности авторы пытались выработать способ познания мира, позволяющий ухватить бытие непосредственно. Опосредованное, рационалистическое познание мира, согласно рассмотренным авторам, объективирует и умаляет бытие, так как рациональные представления, согласно учениям авторов,

негождественны представляемому им бытию (персонализм). Экзистенциальная направленность русской мысли вынуждает критически относиться к рациональным системам описания сущего. Однако критическое отношение к ней не означает ее полного отрицания [Эрн 1991, 85]. Исходя из этого, мы можем выделить следующий троп, характеризующий подход русской философии к проблеме построения цельного мировоззрения – это онтологическая «жизненность», выражающаяся в гносеологической «соборности», ведущая к цельному познанию мира.

Розанов наследует метафизический горизонт проблематики цельности от философии славянофилов и В.С. Соловьева (см.: [Грякалов 2017, 77]). Характеризуя период жизни, когда трактат создавался, Розанов говорит о присутствовавшем у него ощущении тотального хаоса, раздробленности и неупорядоченности мира [Розанов 2010, 127]. Такое положение не устраивало Розанова, ведь, как отмечает Л.В. Скворцов, все его творчество характеризуется поиском исходного начала определяющего гармонию различного [Скворцов 2012, 81]. Бессмысленность и фрагментарность сущего побудили Розанова к теоретическому изысканию, итогом которого должна была стать цельная картина мира, гармонизирующая его самосознание.

В поиске основания для цельности мира Розанов обращается к науке, которая, по его мнению, лишь усугубляет ситуацию релятивизмом и плюрализмом представляемых описаний мира. Специализация научных отраслей, согласно Розанову, порождает множество конфликтующих между собой представлений о действительности, нарушающих связность и единство бытия, без которых невозможно понимание [Розанов 2006, 5]. В связи с этим он решается найти такое основание, которое бы могло объединить смысловую и действительную реальность единством, то есть он пытается показать, как возможна наука, которая не исключает человека из мира (см.: [Грякалов 2017, 62]). Поиск цельности как основы понимания является основной проблемой трактата, так как фрагментарное и множественное сущее лишает познание смысла, а жизнь содержания. Познание, по Розанову, основывается на считывании разумом идей во внешнем мире и работе внутренних идей над полученным извне «стимулом» [Розанов 2006, 28]. В каждой из идей содержится потенция ее раскрытия, а потому познание осуществляется как раскрытие этой потенции разумом [Сарычев 2008, 1759–1760].

Разум в противоположность уму является способностью, направленной на саму себя, а не на эмпирический мир. Функция разума, согласно Розанову, заключается в автономности, позволяющей осознавать границы, то есть различать (себя от внешнего мира, одно чувство от другого, одну мысль от другой и т.д.). Справедливо можно заметить, что разум в розановском учении является основой для субъектности. О происхождении разума Розанов ничего напрямую не говорит, но мы предполагаем, что его возникновение связано с Богом, так как понимание, по Розанову, происходит по Его воле [Розанов 2006, 586]. Розанов характеризует разум так: «Разум представляет собою нечто замкнутое в себе и глубоко самостоятельное; не человек обладает им, но он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им. В самом себе носит он свою цель, и скорее заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях своих, нежели служит им. Внешняя деятельность болезненно подавляет его, и только в полном самоуединении и покое раскрывается он во всей силе и полноте своей» [Там же, 24]. Невозможно не согласиться с трактовкой А.Н. Паршина, который полагает, что разум у Розанова направлен на поиск ноуменов, лежащих за видимыми явлениями [Паршин 2012, 181]. Результатом деятельности разума является понимание, которое соединяет разрозненные явления в единое целое. Как утверждает Розанов, «Понимание цельно: оно понимает отдельные явления в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления, поэтому для знания всё случайно и необъяснимо; для понимания всё необходимо и понятно» [Розанов 2006, 13]. Таким образом, понимание характеризуется единством дискурсивного поля, в рамках которого разум охватывает единством разрозненные знания.

В формировании представлений участвует как ум, так и разум, но представления признаются Розановым неистинными ввиду того, что они отражают чистое бытие

опосредованно – привлекая механизмы разума. Только первая идея непосредственно связана с чистым бытием. Следующие за первой идеи связаны только с жизнью и строением самого разума. Поскольку именно чистое бытие запускает познание и именно с ним разум соотносит результаты каждого этапа познавательной деятельности, из этого, по Розанову, следует, что все возможное знание изначально содержится в нем – в чистом бытии. Все возможные представления предзаданы чистым бытием. Все, что можно понять и познать, уже содержится в первичном акте мышления в единстве. Это интуитивное познание, позволяющее непосредственно созерцать бытие, Розанов называет «предпониманием» [Розанов 2006, 56–57]. Чистое бытие, данное в первичной интуиции, – «нечто есть», является единым, цельным и полным. Именно в предпонимании открывается истина, которая понимается Розановым как всеединство цельного бытия.

Исследуя природу разума в поисках основания для цельного восприятия мира, Розанов приходит к выводу о невозможности создания рационального представления, способного ухватить единство чистого бытия. Жизнь разума он характеризует как непрерывное создание представлений, тогда как бытие, несмотря на его внутреннюю динамику, всегда остается онтологически единым. Истина цельного бытия, согласно Розанову, может быть допредикативно схвачена в предпонимании, но возможность создания иного типа мышления, включающего в себя непосредственное бытие, в трактате не обсуждается.

Исходя из анализа основных идей трактата и их сравнения с теоретическими решениями проблемы цельности в русской философии, можно заключить, что произведение раннего периода творчества Розанова «О понимании» принадлежит этой традиции идейно, концептуально и методологически. Славянофилы в поисках духовно-культурной самоидентичности актуализировали настоящую проблему. В.С. Соловьев начал рассматривать ее в онто-гносеологическом ключе и сделал центральной для философии русского идеализма. С.Н. Трубецкой продолжил развивать эту тему как проблему разума человека и его познавательных способностей. Справедливо говорить, что Розанов унаследовал этот философский вопрос от славянофилов и Соловьева и положил его в основу своего метафизического горизонта. Однако экзистенциальный подход к проблеме цельности Розанов обогащает трансцендентальным пластом, описывающим механизм появления знания оформлением бытия идеями разума.

В поисках цельности Розанов изучает и раскрывает процесс возникновения знания и представления из столкновения разума с бытием. Центральным элементом его теории познания и онтологии является «чистое бытие», под которым понимается существование само-по-себе, вне зависимости от существующего. В нем сущее едино, поэтому оно выступает основанием для цельного понимания. Тем не менее непосредственное бытие оформляется разумом благодаря идеям, являющимся механизмами интерпретации сущего. Бытие, уложенное в идеи разума, является знанием, на основании которого формируются представления, позволяющие интерпретировать сущее. Однако в ходе своего изыскания Розанов признает, что такие представления не могут быть истинными, так как знание, формирующее представление, не тождественно чистому бытию. Знание и представления, согласно Розанову, репрезентируют внутреннюю динамику жизни разума. Следовательно, результатом рациональной деятельности не может являться цельная система интерпретации бытия. Несмотря на это, первая идея разума – фиксирующая наличие бытия, выступает в системе Розанова причиной любого познавательного процесса. Следовательно, согласно учению, в ней, то есть в чистом бытии, изначально содержится все возможное знание, причем данное в единстве. Способность непосредственного восприятия бытия Розанов называет предпониманием. А результатом ее деятельности он называет истину, то есть созерцание допредикативного чистого бытия, на основании которого и возможно построить понимание – цельную картину мира.

Таким образом, по Розанову, получается, что формируемые разумом представления никогда не смогут в полной мере отразить чистое бытие, из которого они возникают.

Однако обращение к бытию, в котором все находится в онтологическом единстве, может приблизить наш разум к цельному его отражению. К сожалению, трактат Розанова не содержит программы включения экзистенциальных фактов в механизмы оформления суждений, но, несмотря на это, мы можем отметить, что изменение его способа философствования – переход к публицистике в начале XX в. – может пролить свет на этот вопрос. Розанов периода написания трактата показывал, как понимание разворачивается с позиции допредикативного и дорефлексивного разума, оперирующего универсальными идеями. Следствием такой установки на понимание является невольное признание небытия индивидуального, личностного. В связи с этим Розанов в трактате приходит к позиции, утверждающей онтологическую и гносеологическую ценность бытия вообще. В зрелый и поздний период своего творчества, развивая эссеистический жанр, он пытается преодолеть этот универсализм и показать ценность бытия индивидуального. Неслучайно В.А. Фатеев, характеризующий публицистику Розанова, говорит о его стремлении преодолеть условности и «вывести читателя... в мир реальных душевных переживаний, к Живой Жизни» [Фатеев 1991, 13]. В своем творчестве после трактата Розанов показывает уникальность проявлений жизни в диалектике единого и многого, по существу, продолжая развивать ранее высказанную идею понимания как первичной интуиции бытия.

Источники – Primary Sources

Бердяев 1990 – Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990 (Berdyayev, Nikolai A., *The Russian Idea*, in Russian).

Киреевский 1984 – Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984 (Kireyevsky, Ivan V., *Selected articles*, in Russian).

Розанов 2006 – Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006 (Rozanov, Vasily V., *On Understanding. The Experience of Investigating the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge*, in Russian).

Розанов 2010 – Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2010 (Rozanov, Vasily V., *Collected Works. Leaves*, in Russian).

Соловьев 2018 – Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. М.: Рипол классик, 2018 (Solovyov, Vladimir S., *Lectures on Divine Humanity*, in Russian).

Трубецкой 1994 – Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 483–593 (Trubetskoy, Sergei N., *On the Nature of Human Consciousness*, in Russian).

Флоренский 1990 – Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990 (Florensky, Pavel A., *The Pillar and Ground of the Truth*, in Russian).

Хомяков 1994 – Хомяков А.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994 (Khomyakov, Aleksey S., *Essays*, in Russian).

Хомяков 1995 – Хомяков А.С. Богословские сочинения. СПб.: Наука, 1995 (Khomyakov, Aleksey S., *Theological Works*, in Russian).

Эрн 1991 – Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71–109 (Ern, Vladimir F., *Something about Logos, Russian Philosophy, and Science*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Акулинин 1990 – Акулинин В.Н. Философия всеединства. От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск: Наука, 1990.

Бибихин 2006 – Бибихин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. С. V–XIX.

Грякалов 2016 – Грякалов А.А. Понимание и неопределенность (опыт В.В. Розанова) // EINA1: Проблемы философии и теологии. 2016. Т. 5. № 1–2 (9–10). С. 80–106.

Грякалов 2017 – Грякалов А.А. Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017.

Паршин 2012 – Паршин А.Н. Розанов и наука // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 180–187.

Сарычев 2008 – *Сарычев Я.В.* «О понимании» // Розановская энциклопедия / Под ред. А.Н. Николоюкина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1758–1762.

Семенюк 2005 – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в философии В.В. Розанова // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 66–71.

Семенюк 2008 – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в русской философии середины XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 53–56.

Семенюк 2014 – *Семенюк А.П.* Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 118–121.

Серкова 2013 – *Серкова В.А.* «О понимании» В.В. Розанова // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 14. С. 58–66.

Скворцов 2012 – *Скворцов Л.В.* Теория истины // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николоюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 76–83.

Фатеев 1991 – *Фатеев В.А.* В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Ленинград: Художественная литература, 1991.

Фатеев 2012 – *Фатеев В.А.* Розанов и славянофильство // Василий Васильевич Розанов / Под ред. А.Н. Николоюкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 117–131.

Фролов 2013 – *Фролов А.А.* Гносеологические основания стиля мышления В. Розанова // Вопросы теории и практики. Исторические, Философские, Политические и Юридические науки, Культурология и Искусствоведение. 2013. № 10 (36). Ч. II. С. 205–210.

Шапошников 2009 – *Шапошников Л.Е.* Соборность в творчестве Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / Под ред. А.Н. Николоюкина. М.: РОССПЭН, 2009. С. 393–399.

References

Akulinin, Vladimir N. (1990) *The Philosophy of all-in-oness. From V.S. Soloviev to P.A. Florensky*, Nauka, Novosibirsk (in Russian).

Bibikhin, Vladimir V. (2006) “It’s Time to Read Rozanov”, Rozanov, Vasilii V., *On Understanding. The Experience of Investigating the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge*, Institut filosofii, teologii i istorii Svyatogo Fomy, Moscow, pp. V–XIX (in Russian).

Fateev, Valerii A. (1991) *Rozanov. Life. Creativity. Personality*, Khudozhestvennaya literatura, Leningrad (in Russian).

Fateev, Valerii A. (2012) “Rozanov and Slavophilism”, A.N. Nikoluyukin, ed., *Vasily Vasilievich Rozanov*, ROSSPEN, Moscow, pp. 117–131 (in Russian).

Frolov, Alexey A. (2013) “The Epistemological Foundations of Rozanov’s Style of Thinking”, *Voprosy teorii i praktiki, Istoricheskije, Filosofskie, Politicheskije i Yuridicheskije nauki, Kul’turologiya i Iskusstvovedenie*, Vol. 3, Part 2, pp. 205–210 (in Russian).

Gryakalov, Alexey A. (2016) “Understanding and Uncertainty (V.V. Rozanov’s Experience)”, *EINAI: Problemy filosofii i teologii*, Vol. 5, No. 1–2 (2016), pp. 80–106 (in Russian).

Gryakalov, Alexey A. (2017) *Vasily Rozanov*, Nauka, Saint-Petersburg (in Russian).

Parshin, Alexey N. (2012) “Rozanov and Science”, A.N. Nikoluyukin, ed., *Vasily Vasilievich Rozanov*, ROSSPEN, Moscow (in Russian), pp. 180–187.

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017^a) “The Ideas of Cultural – Historical Epistemology in Russian Philosophy of the Twentieth Century”, *Social Epistemology*, Vol. 31, No. 1, pp. 16–24.

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017^b) “On the Specifics of Russian Philosophy: A Reply to Mikhail Sergeev”, *Social Epistemology Review and Reply Collective*, Vol. 6, No. 8, pp. 37–41.

Sarychev, Yaroslav V. (2008) “On Understanding”, *The Rozanov’s Encyclopedia*, ROSSPEN, Moscow, pp. 1758–1762 (in Russian).

Semenyuk, Anton P. (2005) “The Problem of Understanding in the Philosophy of V.V. Rozanov”, *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 287 (2005), pp. 66–71 (in Russian).

Semenyuk, Anton P. (2008) “The Problem of Understanding in Russian Philosophy of the Mid-19th and Early 20th Centuries”, *Vestnik Tomского gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 308, pp. 53–56 (in Russian).

Semenyuk, Anton P. (2014) ‘Gnoseological Problems in the Treatise “On Understanding” by V.V. Rozanov’, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, Vol. 20, No. 4, pp. 118–121 (in Russian).

Sergeev, Mikhail (2017). “Integral Knowledge” and Enlightenment Rationalism: A Reply to Pruzhinin and Shchedrina’, *Social Epistemology Review and Reply Collective*, Vol. 6, No. 4, pp. 1–3.

Serkova, Vera A. (2013) “On Understanding by V.V. Rozanov”, *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, Vol. 14, pp. 59–66 (in Russian).

Shaposhnikov, Lev E. (2009) “Sobornost in the Work of Rozanov”, *The Legacy of V.V. Rozanov and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference*, ROSSPEN, Moscow (in Russian), pp. 393–399.

Skvortsov, Lev V. (2012) *Theory of Truth, The Philosophy of Russia in the First Half of the Twentieth Century. Vasily Vasilievich Rozanov*, ROSSPEN, Moscow (in Russian), pp. 76–83.

Сведения об авторах

ГЛЕБОВ Олег Александрович –
аспирант Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Author’s Information

GLEBOV Oleg A. –
postgraduate student of the School of Philosophy
and Cultural Studies, Faculty of Humanities,
National Research University
“Higher School of Economics”.